

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

"Никто о них особенно переживать не будет". Как Россия пополняет запас живой силы для мясных штурмов

Север.Реалии

менее минуты назад

Реклама контрактной службы в России

Жительница Петербурга Полина Смидович ищет своего отца, который собрался ехать на вахту, а оказался на войне. [Ее первое видео](#) в Инстаграме набрало более 180 тысяч просмотров, и [в следующем ролике](#) Полина рассказала подробности: отец был уверен, что подписывает документы о приеме на работу, но подписал военный контракт. Друзья семьи рассказывают, что Валерий Смидович любил выпить, и мог быть попросту обманут рекрутерами. Сегодня это чуть ли не основной способ пополнения армии для продолжения войны в Украине, говорят правозащитники.

О новой работе отец Полины сообщил в начале мая: якобы какие-то знакомые предложили поехать вместе с ними на заработки в Подмоскowie, рассказывает Полина в своем видео.

"Я уверена, что ему никто не говорил, что это СВО, и что он подписывал именно документы о приёме на работу на вахту. Изначально он говорил мне, что в Московской области должен пройти медкомиссию, чтобы работать в какой-то строительной компании – на вахте. Через пару дней после этого отец позвонил мне и сказал, что находится в Луганске".

Валерий Смидович родился 7 ноября 1970 года, ему 55 лет, то есть в мирное время заключить контракт с МО он бы не смог. Однако законом от 24 июня 2023 года предельный возраст военнослужащих в период мобилизации был поднят для рядовых до 65.

25-летняя Полина – его дочь от второго брака. Как и отец, она живет в Петербурге, но на другом конце города, рассказывает Север. Реалиям ее близкая подруга **Анна** (имя изменено из-за закона о нежелательных организациях – СР). Они с Полиной абсолютно уверены, что ее отца обманули – он никогда не собирался на войну и "всегда был против".

Валерий Смидович

– Папа у Полины доверчивый, любит выпить, и поэтому его могли напоить или что-то с ним сделать. Они живут в разных частях Петербурга, созваниваются и видятся достаточно редко, насколько я знаю, – рассказывает Анна. – Потом он сказал, что какие-то знакомые предложили ему поехать в Москву или Московскую область на работу – на вахту на месяц. Она его спрашивала: "Что за работа? Куда ты едешь? Кто тебя позвал?" Он толком ничего не объяснял. Говорил, что сам ещё не знает, но есть люди, которые знают, куда они едут и что это за работа. Полина говорила ему не ехать, потому что всё

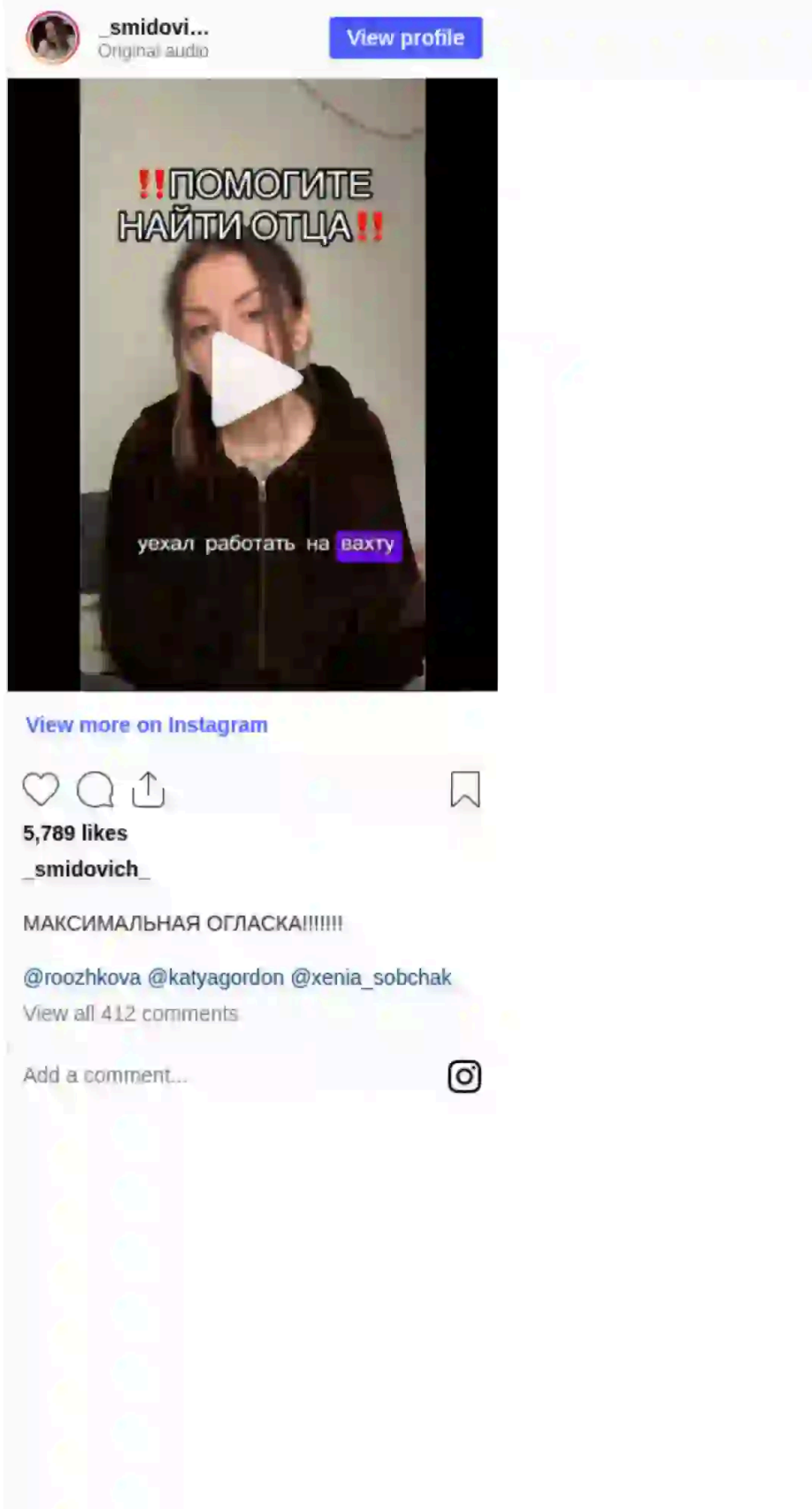
выглядит странно и мутно. Но он настоял: говорил, что это действительно работа, всё будет нормально, ему пообещали хорошую зарплату.

Подозрения, что это никакая не стройка, укрепились, когда Валерий стал рассказывать, что они будут восстанавливать дома после беспилотников. Дочь удивлялась: "В Московской области?!" А туда, дескать, надо поехать, чтобы устроиться и пройти медкомиссию.

– В день, когда его должны были забрать, он сказал, что за ним приедут какие-то мужчины на машине, военные. Полина его спрашивала: "Какие мужчины, почему военные? Кто тебя заберёт? Куда? Что вообще происходит?" Он отвечал: может быть, потому что речь о восстановлении после беспилотников. Соседи потом сказали, что его забирала какая-то машина, из которой выходили люди в форме – то ли военные, то ли Росгвардия, – рассказывает Анна.

Полина знала, что он любил выпивать, в том числе, с соседями по дому. Потом ей рассказали ей, что в последнее время какие-то люди его целенаправленно спаивали и что-то ему предлагали.

– Ещё соседи по лестничной площадке рассказывали, что возле дома встретили какого-то мужчину. Там многие общаются между собой, в доме и районе много пьющих. И этот мужчина якобы с ухмылкой сказал: "Да, это я его напоил, туда отправил, а за это деньги получил", – пересказывает Анна рассказ подруги. – Соседка говорит, что это просто какой-то мужчина, который, видимо, что-то получает за то, что кого-то отправляют на СВО. Потом, когда он уже звонил из Луганска, Полина его спрашивала, почему он там оказался и как это случилось, сам ли он подписал контракт. Он отвечал: "Поля, ну вот так вышло".

Затем Полине стали звонить с незнакомого номера и требовать скинуть в Telegram документы – ее свидетельство о рождении, свидетельство о рождении отца, справку о смерти его матери, паспорт и финансовые документы Полины. Она отказалась что-либо посылать неизвестно кому. Но 7 мая ей с того же номера в Telegram скинули контракт, который ее отец подписал с Министерством обороны.

"Ещё две - две с половиной недели у меня была связь с отцом, но через тот же номер, с которого мне изначально звонили и требовали документы. Он говорил, что всё нормально, и тоже просил скинуть документы. Я отвечала, что ничего отправлять не буду, потому что вообще не понимаю, что происходит, - рассказывает Полина в соцсети. - 27 мая отец последний раз вышел со мной на связь. Мы созванивались по телефону, и он сказал, что на следующий день, 28 мая, его должны куда-то отправить, после чего он перестал выходить на связь. Несколько дней назад я позвонила на номер, с которого мне изначально звонили, и спросила, где находится мой отец, потому что он почти две недели не выходит на связь. Мне сказали, что у него статус СОЧ (*самовольно оставивший часть*)".

Сегодня вся информация, которая у нее есть - это номер военной части в Луганске: часть 4463, первая мотострелковая бригада.

"Мне никто ничего не объясняет, и я вообще не понимаю, где находится мой отец. Но изначально это уже нарушение, потому что отец уехал на вахту. Во-вторых, у моего отца эпилепсия, и медкомиссию он не должен был пройти", - говорит Полина и просит огласки.

| "Главное - найти, где он находится"

В контракте, который ей скинули в Телеграм с неизвестного номера, подпись отца она узнала. Это типичный контракт с Министерством обороны - на год, который потом, в условиях мобилизации, становится бессрочным. В военкомате в Балашихе, куда Полина стала звонить в поисках, ей подтвердили: да, контракт подписан. Она обращалась в военную прокуратуру, в полицию, но везде получила от ворот поворот: объявить в розыск не могут, он же выходит на связь, хоть и с непонятных телефонных номеров.

Последний раз Валерий созванивался с дочерью 27 мая. Он был в Луганске и сказал, что "завтра меня должны отправить", но куда - он сказать не может. На следующий день не позвонил.

Активные поиски Полина начала через полторы недели. Сначала она надеялась, что у отца просто забрали телефон. Человек, который скидывал ей контракт в Телеграме, заявил, что Валерий Смидович "уже не связан с этой частью", и дал другой номер. А там ей сказали, что у него статус СОЧ - самовольное оставление части. На все остальные вопросы - почемуи когда ему присвоен этот статус, откуда он якобы сбежал и что вообще произошло - ей уже не ответили. "Просто прочитали сообщение и проигнорировали", - рассказывает Анна.

– Полинин отец не поехал бы на СВО, он никогда это не поддерживал, – уверена подруга дочери. – Ему 55 лет, он зависим от алкоголя. Зачем ему куда-то ехать? Тем более у него эпилепсия. Последние приступы были, может быть, лет 20 назад, но всё равно я не думаю, что он должен был пройти медосмотр. Когда Поля созванивалась с ним с этого незнакомого номера, сразу сказала: "Пап, у тебя же эпилепсия, кто тебя вообще туда отпустил?" Он отвечал: "Да что ты придумываешь, всё нормально, у меня давно ничего не было".

По словам Анны, никакие выплаты по контракту отца, компенсации и прочее Полину не интересуют:

– Ей это вообще без разницы. Главное – найти, где он находится.

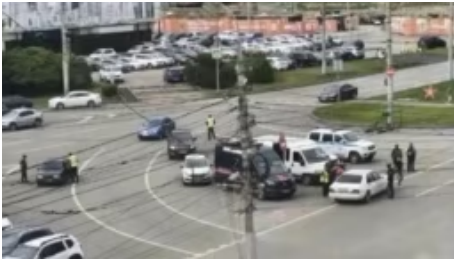
|"Ситуация социально уязвимых групп"

Валерий Смидович много лет работал в строительстве и занимался установкой окон. Однако в последние годы его жизнь трудно было назвать устроенной: он выпивал, фактически остался без постоянной работы. Со второй супругой, матерью Полины, он расстался вскоре после рождения дочери, однако связь с ней всё же поддерживал.

– В начале 2020 года у Валерия умерла мама. После этого он совсем покатился: перестал платить за коммуналку, пил еще жестче, квартиру запустил, – рассказывает Анна. – Перебивался случайными заработками, но из-за запоев нигде не удерживался.

Именно такие люди и попадают в руки "черных рекрутеров" в первую очередь, говорит руководитель юридического отдела движения "Сознательные отказчики" **Артем Клыга:**

– Я стараюсь говорить культурно, но для нашей власти это именно так: они считают, что это какие-то "не такие" люди, которых можно кинуть в бой, и никто о них особенно переживать не будет. В целом это та же логика, которая раньше была с заключенными, с мигрантами, в какой-то степени со срочниками, хотя к срочникам все равно немного другое отношение: они молодые, к ним больше сочувствия. А здесь, с точки зрения российской власти, нашлась очередная группа маргиналов, которых можно отправить на войну.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Меня увозят в Украину". Что известно об облавах на военнообязанных в Пензе

Оспорить такой контракт, по его словам, можно только буквально в первые сутки после подписания.

– Это типичная история, мы сталкиваемся с такими случаями постоянно. Иногда человек быстро понимает, что произошло, связывается с родственниками, подаёт рапорт о том, что не собирался заключать контракт, и тогда приказ о зачислении ещё не успевают оформить. В таких случаях есть шанс остановить процесс. Но обычно люди обращаются к нам слишком поздно – крайне редко кто-то пишет в первые двое суток после подписания документов.

Мне известен лишь один случай, когда военному суду удалось доказать, что контракт был заключён недобровольно. Там не нашлось ни свидетелей подписания, ни других убедительных доказательств того, что человек действительно выразил согласие. Но даже в такой ситуации понадобилось полноценное судебное разбирательство.

Мы часто предлагаем людям хотя бы попробовать оспорить контракт, иногда готовы помочь с оплатой юриста. Но многие до этого этапа просто не доходят. Речь, как правило, идёт о социально уязвимых людях, которые боятся связываться с судами и государственными структурами, – говорит Клыга.

В контракте, который подписал Валерий Смидович, осталась незаполненной строка "О вступлении в силу настоящего контракта объявлено приказом...". Теоретически это могло бы стать одним из аргументов в суде. Однако, по словам Артёма Клыги, к началу суда военкоматы нередко успевают привести документы в порядок: допечатать недостающие приказы, что-то подделать, представить новые бумаги или не представить те, которые могут поставить под сомнение их версию событий.

– Парадокс в том, что, пытаясь помочь человеку оспорить контракт, ты можешь подвергнуть его дополнительному риску. Теоретически такие дела можно выигрывать через суд, но на практике это долгий и сложный путь. Если человек уже находится в зоне боевых действий, он может столкнуться с давлением со стороны командования. При этом нет никаких гарантий, что суд закончится в его

Контракт Смидовича

пользу. Поэтому в подобных ситуациях мы, конечно, даем нелегальные советы, связанные с дезертирством, – говорит Клыга.

Случаи так называемого чёрного рекрутинга исчисляются тысячами, сегодня – это "золотая жила" и основная кормовая база Министерства обороны, говорит **Иван Чувиляев**, пресс-секретарь движения "Идите лесом", помогающего россиянам избегать участия в войне.

– Мы постоянно сталкиваемся с такими историями. Речь идет о тысячах людей, и сейчас государство будет только активнее

переключаться на этот контингент – тех, кого проще обмануть, подкупить, уговорить или сломать. Бывает, родственники бьют тревогу: человек буквально испарился из колонии, а спустя время выясняется, что он уже на передовой. Иногда контракт действительно можно оспорить, если он заключен с вопиющими нарушениями. Например, если призывнику за 70 или у него тяжелые диагнозы: ВИЧ, гепатит, эпилепсия – то есть заболевания, с которыми на фронт не берут. В таких случаях можно требовать хотя бы проведения военно-врачебной комиссии. Но, увы, даже это срабатывает далеко не всегда..

Статус СОЧ, который якобы присвоен Смидовичу, может означать, что ему удалось покинуть подразделение. Если это так, шансы найти его живым значительно выше, говорит Иван Чувиляев.

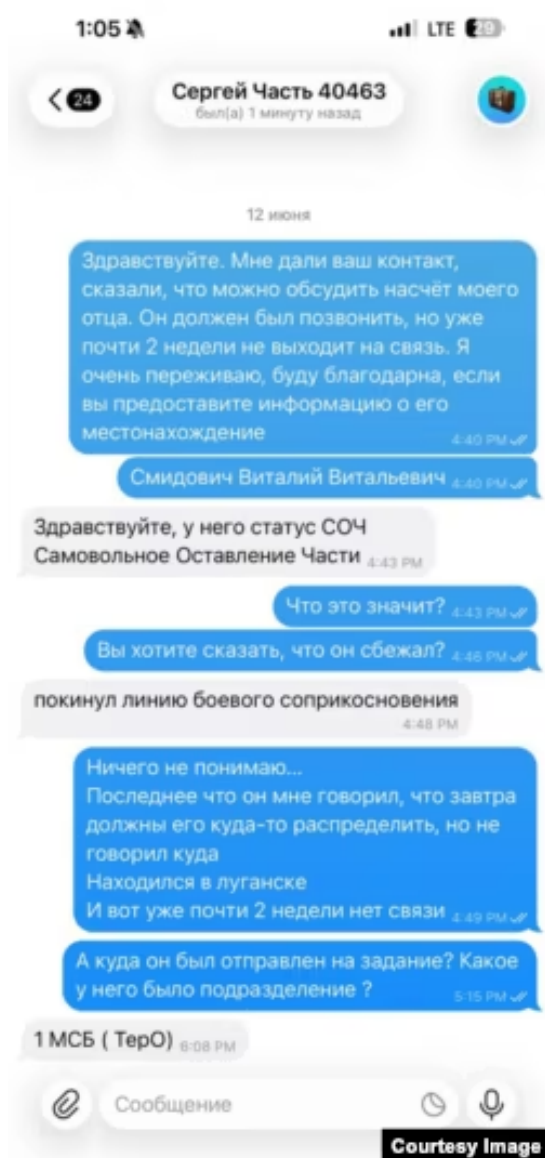
– Если он действительно ушёл из части, это скорее хорошая новость. Тогда ему нужно обращаться за помощью. Если человек готов уехать, мы помогаем уехать. Если ему нужно скрыться, помогаем скрыться, – говорит он.

Однако статус СОЧ не всегда означает дезертирство. Под ним могут скрываться и другие обстоятельства – от безвестного исчезновения до гибели военнослужащего.

– Война – это хаос. Я не думаю, что такие ошибки всегда совершаются сознательно. Просто нормального учёта зачастую нет. У нас был случай: человек дезертировал несколько лет назад, живёт во Франции, с ним выходило интервью в The Washington Post с фотографией. А они до сих пор ищут его в Украине и говорят, что он пропал без вести, – говорит Чувиляев.

"С линии боевого соприкосновения бежать крайне сложно"

С точки зрения военной бюрократии между статусами "без вести пропал" и "самовольно оставил часть" существует принципиальная разница. В первом случае государство обязано искать военнослужащего, выяснять обстоятельства его исчезновения и взаимодействовать с родственниками. Во втором речь идёт уже о предполагаемом нарушителе закона. В такой ситуации внимание силовых структур может переключиться с поисков человека на его розыск.

Переписка с командованием

Такие случаи бывают, но многих беглецов задерживают и возвращают обратно.

Поэтому, если человек находился непосредственно на передовой, версия о самовольном оставлении части вызывает у меня сомнения. Исключать её нельзя, но есть и другие возможные объяснения его исчезновения. Может быть, он жив. Может быть, находится на задании. Может быть, оказался в штурмовом

По словам подруги Полины Смидович, ни военная полиция, ни сотрудники МВД до сих пор не связывались с ней по поводу отца.

Проверить, как часто военнослужащие со статусом СОЧ впоследствии оказываются в списках погибших, невозможно: российские власти не публикуют полные данные о потерях. Наиболее подробную поимённую базу погибших ведут "Медиазона" и Русская служба ВВС. По состоянию на 19 июня 2026 года в ней были подтверждены имена [227 680](#) российских военнослужащих.

Главный редактор "Медиазоны" **Сергей Смирнов** считает, что версия о дезертирстве выглядит правдоподобной лишь при определённых обстоятельствах.

– Он действительно мог уйти в СОЧ. Но, по нашим оценкам, подавляющее большинство таких случаев связано с отпусками: человек уезжает и просто не возвращается в часть. А вот уйти в СОЧ непосредственно из зоны боевых действий, тем более с линии боевого соприкосновения, крайне сложно. Такие

подразделении. В такой ситуации делать однозначные выводы пока невозможно, – говорит Смирнов.

Важным обстоятельством, по словам Смирнова, заключается в том, что Валерий Смидович пропал именно в районе Луганска. В ходе поисков Полина списалась с жительницей Екатеринбурга, которая тоже ищет своего отца: тот служил в той же части, попал туда через тот же пункт в Балашихе и теперь тоже числится в СОЧ.

– Если речь идёт о подразделениях, сформированных на базе бывших "ДНР" и "ЛНР", то там давно существует практика записывать погибших и пропавших без вести в СОЧники, – говорит главный редактор "Медиазоны". – Это позволяет не выплачивать компенсации семьям и одновременно занижать собственные потери. По этой конкретной части я ничего утверждать не могу, но в целом такой механизм известен.

Командованию не всегда выгодно сразу объявлять военнотружущего СОЧ. Если человек ушёл из расположения части или не вернулся из отпуска, его могут какое-то время искать своими силами, надеясь вернуть в строй без оформления документов. Однако в случаях, когда он исчезает после боевого задания и его судьба остаётся неизвестной, статус СОЧ может становиться удобным объяснением его отсутствия.

Военному, самовольно оставившему часть без уважительных причин, может грозить уголовное дело по статье 337 УК РФ, а в условиях мобилизации и боевых действий наказание доходит до 10 лет лишения свободы. Кроме того, военнотружущему приостанавливают денежное довольствие. Притом, что за без вести пропавшим сохраняется право на выплаты, а его родственники могут получать причитающиеся ему деньги. Спустя шесть месяцев отсутствия близкие также вправе обратиться в суд с требованием признать военнотружущего умершим и оформить предусмотренные законом компенсации. При статусе СОЧ такой механизм не работает.

Точных данных о числе случаев самовольного оставления части и дезертирства в российской армии не существует. Многие дела не доходят до суда, а с 2026 года Судебный департамент ограничил доступ к значительной части судебной статистики. Последние доступные данные относятся к маю 2025 года. По подсчетам "Медиазоны", на тот момент в российские военные суды поступили дела об отказе от службы в отношении 20 662 человек, из которых 17 721 уже получили приговоры. Большинство дел касалось самовольного оставления части – 18 159. Ещё 1 010 дел были возбуждены по статье о дезертирстве и 1 369 – по статье о неисполнении приказа.

О росте числа дезертиров косвенно свидетельствуют и оценки независимых аналитиков. [По данным украинского проекта Frontelligence Insight](#), в 2025 году число дезертиров в российской армии могло как минимум удвоиться по сравнению с предыдущим годом. Авторы исследования предполагают, что за год из российских подразделений могли дезертировать не менее 70 тысяч человек – около десятой части всего российского контингента, задействованного в войне.

Этот контент также в категориях

Регионы

Общество.Север